

ИГРА В
КЛАССИКИОбщая тема -
Некстати
1996. - 1 аб. -
О РОССИИ с 11**В. Пьецух.**
Государственное
Дитя. «Знамя», № 7

«Государственное Дитя» стало третьим за этот год явлением Вячеслава Пьецуха читательской общности. В отличие от «Снежок деревенской жизни» («Знамя», № 3) и «Ночных бдений с Иоганном Вольфгангом Гёте» («Новый мир», № 5) жанр настоящего произведения неотчетлив, композиция сложна и трехчастна. Единственное, что можно сказать с уверенностью, так это то, что Вячеслав Пьецух написал повесть политическую.

Здесь, как и положено в литературе гражданского направления, наличествует мораль (предсказуемая с первых строк) и сюжет (угадываемый чуть ли не с заголовка). Вспомнив о своей прежней профессии учителя истории, Пьецух оказался одним из тех, кто различает в сегодняшней российской жизни приметы смутного времени почти четырехсотлетней давности. И вот у нас теперь возрождается монархия дамаистского образца. Наследника престола (он же Государственное Дитя) сбрасывают со Спасской башни, а сбежавший в Эстонию проворовавшийся бухгалтер Вася Злоткин предстает самозванцем. Среди героев фигурируют Мара Дубельт, генерал Путовка-Шумский, дьяк Перламутров и государь Александр Петрович. Чем дело кончается, знает всякий, обучавшийся в средней школе.

Подобную историческую аналогию при самом доброжелательном подходе не назовешь авторским «ноу-хау». Честное слово, времена усердного штирования пригодного для всех случаев жизни «Бориса Годунова» прошли еще несколько лет назад, и очередное обращение к неизбыточной теме выглядит, по меньшей мере, общим местом. Впрочем, и на этом общем месте фантазер и выдумщик Вячеслав Пьецух выстраивает нечто замысловатое. «Историческому» сюжету сопутствуют шпионские страсти вокруг того же Васи Злоткина, путешествующего по Европе в поисках неуловимого Орхана Туркула. Жанр заграничных путешествий популярен ничуть не меньше исторических аналогий. И столь же предсказуем. Кого встречает Вася в Европе? Правильно, эмигрантов. Почему они покинули Россию? Потому что здесь жить несладко. Что возмущает путешественника больше всего? Абсолютно верно, чистота, аккуратность и стерильность улиц и граждан. Чем дело кончится? Абсолютной туфтой, тюрьмой, очередной «обманкой» и обращением «Милый Вася», привычным зачином писем бывшей Васиной жены. Эти письма, навещающие на Васю сон, представляют собою линию третью, эпистолярную, чистота жанра которой (рассуждения «простой натурой») блюдетя вот уже несколько веков.

Необходимо признать, что все три линии сведены в общее целое довольно виртуозно. Единственная незадача — слишком уж продуманно. В отличие от упомянутых публикаций этого года, чью главную прелесть составляли выбивающаяся, словно помимо авторской воли, энергия и общая нестройность текста, «Государственное Дитя» просчитывается полностью. Логично предположить, что все это преднамеренно, «нарочно». Ведь истории русской литературы хорошо знакома игра с грамотным следованием жанровому канону. Свообразная литературная игра угадывается и у Пьецуха. Но не всегда она ведется по правилам.

Что можно ждать от прогнозируемого произведения? Мастерства изложения, стилистических красот, иными словами — простите за несколько банальное выражение — «вкусности» текста. Хотя собственно кулинарная часть представлена в достаточной мере: повесть изобилует описанием блюд (оливье с брусникой и расстегаи, заморское виски и яичница по рецепту Дюма-отца). Но это скорее дань литературным обычаям, подобно еще одному дежурному блюду — теме России и Запада. «А разве не русские выдумали диалектику?» — спрашивает у своих подданных царь Александр Петрович.

— Немцы, ваше величество.

— Это жаль...

Жаль, что подобные шутки второй свежести вновь и вновь подаются читателю. Хотя Пьецуха, чья первая книга называлась «Веселые рассказы», никак нельзя заподозрить в недостатке юмора. Его рассказчик — человек довольно ироничный — достаточно удален от реального автора и уже стал привычен для читателя. Присутствует он и в «Государственном Дитя», но ожидаемого эффекта не вызывает. Может быть, все дело в том, что в повести, демонстративно состоящей из трех направлений, повествователь остается все равно один. Между тем традиция исторических реминисценций и, в гораздо большей степени, романа-путешествия, не говоря уже об эпистолярном жанре, предполагают своих рассказчиков, отличных не только от настоящего автора произведения, но и друг от друга.

Наиболее простая и всеобъемлющая классификация сюжетов гласит, что произведения делятся на два типа: про любовь («Она его любила, он ее любил. Она его забыла, он ее забыл») и про шпионов (разведчиков, солдат, сыщиков и т.д.). И хотя теоретически «Государственное Дитя», безусловно, про шпионов, новая повесть Пьецуха в данную классификацию не вписывается. В последнее время эту систему, к слову сказать, наиболее демократическую, следует дополнить еще одной группой, объединяющей произведения «про Россию». «Государственное Дитя» — не первая повесть этого типа, но, надо думать, одна из последних: если еще несколько лет назад любые исторические аналогии казались как никогда кстати, сегодняшнее обращение Пьецуха к истории самозванничества уже вызывает вопросы. Не лучше бы было ограничиться двумя испытанными путями? Писали бы все о любви, в крайнем случае, о шпионах. И Бог с ней, с Россией.

Полина БУДНИЦКАЯ